

Victor
HUGO
1802 — 1885

Виктор
ГЮГО

Отверженные

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г 99

Сокращенный перевод с французского
под редакцией Э. О. Выгодской

Серийное оформление В. В. Пожидаева

Оформление обложки В. А. Гореликова

Гюго В.

Г 99 Отверженные : роман / Виктор Гюго ; пер. с фр. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 768 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-04971-0

Роман-эпопея Виктора Гюго «Отверженные» (1862) — огромный текст, без которого невозможно представить себе духовную историю XIX века. В сущности, это «война и мир» великого французского классика, только здесь находит отражение не противостояние вражеских армий, но война, которую ведут между собой добро и зло в человеческой душе и в обществе. При создании «Отверженных» автора, по его словам, прежде всего волновали три темы: «угнетение мужчины... падение женщины по причине голода, увядание ребенка вследствие мрака невежества», что отразилось в историях главных действующих лиц: каторжника Жана Вальжана, Фантины и Козетты. Фантастически закрученная авантюрная фабула заставляет следить с неотрывным вниманием за событиями, которые разворачиваются на улицах старого Парижа, в трущобах и на баррикадах. Не случайно в XX веке были сделаны десятки экранизаций «Отверженных» — от немой ленты «На баррикадах» (1907) до последнего фильма Тома Хупера.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2012
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-04971-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

До тех пор пока общественные законы и нравы будут допускать лишение человека его прав, создавать для него ад на земле и роковым образом осложнять его судьбу; до тех пор пока не будут разрешены три основные проблемы века: вопрос об угнетении человека, ставшего пролетарием, вопрос о падении женщины из-за голода и гибели ребенка, лишившегося крова; пока во многих странах еще будет возможен тяжкий социальный гнет — иными словами, пока не исчезнут на земле невежество и нищета, — до тех пор книги вроде этой будут нужны.

Отвиль — Гауз, 1862
Виктор Гюго

Часть 1

Фантина

Книга первая

ПРАВЕДНИК

1

МИРИЕЛЬ

В 1815 году епископом в городе Дине был Шарль-Франсуа Бьенвеню Мириель. Это был старик лет семи-десяти пяти; он занимал местную епископскую кафедру с 1806 года.

Монсеньор Мириель был сыном советника судебной палаты в городе Эксе и по рождению принадлежал к чиновной аристократии. Рассказывали, что отец его, желая обеспечить за сыном свою должность, женил его очень рано, лет двадцати, как то водилось во многих семьях крупных чиновников. Шарль Мириель, несмотря на раннюю женитьбу, заставил много говорить о себе. Он был красив, хоть и мал ростом, изящен, любезен, остроумен и всю первую половину жизни посвятил свету и любовным приключениям.

Наступила революция. События быстро сменяли друг друга. Многие чиновные семьи были разорены, изгнаны из Франции и рассеялись по свету. С первых же дней революции Шарль Мириель эмигрировал в Италию. Жена его умерла от чахотки, которой давно страдала. Детей у них не было. Что произошло потом в жизни Мириеля и вызвало перемену в его судьбе? Крушение старой французской аристократии, гибель его собственной семьи, трагические ли происшествия девяносто третьего года, казавшиеся, быть может, издали гораздо ужаснее, — что натолкнуло его на мысль об отречении от мира? Или, быть может, во время его бурной жизни его постиг один из тех таинственных и ужасных ударов судьбы, которые иногда переворачивают сердце человека, не дрогнувшего при катастрофе политической, приведшей его к разорению?

Никто не мог этого сказать; известно было только то, что из Италии он возвратился уже священником.

В 1804 году Мириель служил приходским священником в Бриньоле. Он был уже стар и жил в глубоком уединении.

Во время коронации Наполеона I одно незначительное приходское дело заставило Мириеля приехать в Париж. Он обратился к кардиналу Фешу с ходатайством за своих прихожан. Как-то раз, когда император посетил своего дядю, почтенный священник, дожидавшийся в приемной, попался на глаза его величеству. Наполеон, увидев, с каким любопытством рассматривает его старик, обернулся и резко спросил:

— Кто этот маленький старичок, который не сводит с меня глаз?

— Ваше величество, — отвечал Мириель, — вы смотрите на маленького старичка, а я смотрю на великого человека. Каждому из нас это может быть полезно.

Император в тот же вечер спросил у кардинала имя этого священника, а спустя немного времени Мириель узнал, что его назначили епископом в Динь.

Никто, впрочем, не может сказать, насколько достоверен рассказ о первой части жизни Мириеля: очень многие знали его семейство до революции.

После своего приезда в Динь Мириель подвергся участи всякого вновь прибывшего в маленький город, где много болтливых языков и мало мыслящих голов; он подвергся этой участи, несмотря на то что был епископом, и даже, быть может, благодаря этому.

Но в конце концов предположения, связанные с его именем, остались только предположениями; никто ничего не знал достоверно.

Как бы то ни было, после девяти лет пребывания епископа в Дине все разговоры, занимавшие в первое время маленький город и маленьких людей, были прочно забыты. Никто не осмелился бы теперь даже вспомнить о них.

Мириель приехал в Динь в сопровождении своей незамужней сестры, мадемуазель Баттистины, которая была на десять лет моложе его.

У них была единственная служанка, мадам Маглуар, ровесница мадемуазель Баттистины. Мадам Маглуар, раньше бывшая просто служанкой священника, получила теперь двойное звание: горничной барышни и экономки его преосвященства.

Мадемуазель Баттистина была высокая, бледная, худая тихая женщина; она никогда не была красива, но вся ее жизнь, полная добрых дел, наложила на нее печать ясности и чистоты, а под старость она приобрела то, что можно назвать красотой доброты. То, что в молодости было худощавостью, в позднем возрасте сделалось прозрачностью. Она была как бы соткана из тени, у нее словно вовсе не было тела; в этой хрупкой оболочке заключался какой-то свет; ее большие глаза всегда были опущены вниз.

Мадам Маглуар была маленькая старушка, беленькая, толстенькая, не сидевшая ни минуты на месте, вечно задыхавшаяся от постоянной беготни, а также вследствие мучившей ее астмы.

По приезде господин Мириель был водворен в своем дворце со всеми почестями, какие полагались ему согласно императорскому декрету, ставившему епископа на второе место после маршала. Мэр и председатель судебной палаты первые нанесли ему визит, к генералу же и префекту города первым поехал сам епископ.

Весь город стал ждать, как проявит себя епископ на новом месте.

2

ГОСПОДИН МИРИЕЛЬ СТАНОВИТСЯ МОНСЕНЬОРОМ БЬЕНВЕНЮ

Епископский дворец в Дине находился рядом с больницей.

Это был прекрасный, просторный каменный особняк, выстроенный в начале прошлого века доктором богословия парижского факультета, преосвященным Анри Пюже, аббатом Симорским, бывшим в 1712 году епископом города Диня. То было настоящее здание феодальной эпохи.

Все в нем было грандиозно: и личные покои епископа, и приемная, и залы, и парадный двор, очень просторный, со сводчатыми галереями в старинном флорентийском стиле, и сады с великолепными деревьями.

Больница помещалась в небольшом одноэтажном низеньком здании с маленьким садом. Три дня спустя после своего приезда епископ посетил больницу. Осмотрев ее, он вызвал директора к себе.

— Господин директор, сколько у вас в настоящее время больных? — спросил он.

— Двадцать шесть, ваше преосвященство.

— По моему счету столько же, — сказал епископ.

— Кровати, — сказал директор, — стоят слишком близко одна к другой.

— Это я тоже заметил.

— Палаты — тесные комнатки, и в них плохая вентиляция.

— Это и мне также показалось!

— В саду мало места для гулянья выздоравливающих в солнечные дни.

— То же самое и я подумал.

— Во время эпидемий — в нынешнем году у нас был тиф, а два года тому назад горячка — больных иногда было человек до ста, и мы не знали, как их разместить.

— Это мне тоже приходило в голову!

— Что делать, ваше преосвященство, — отвечал директор, — приходится мириться!

Этот разговор происходил в парадной столовой епископского дворца.

Помолчав немного, епископ быстро повернулся к директору:

— Как вы думаете, сколько кроватей может поместиться в этой комнате?

— В столовой вашего преосвященства? — с изумлением воскликнул директор.

Епископ обвел взглядом залу, точно желая измерить ее на глаз.

— В ней легко можно установить двадцать кроватей, — сказал он как бы про себя, потом продолжал вслух: — По-

слушайте, господин директор. Здесь явно произошла ошибка: вы двадцать шесть человек помещаете в пяти-шести маленьких комнатках, нас же всего трое, а помещение у нас на шестьдесят человек. Здесь очевидное недоразумение: вы поселились в моем, а я в вашем доме. Отдайте мне мой дом и возьмите себе ваш.

На следующий день двадцать шесть больных бедняков были переведены во дворец епископа, а епископ перешел в больницу.

У епископа Мириеля не было своего состояния, его семья была разорена. Сестра его имела пожизненную ренту¹ в пятьсот франков, которой как раз хватало на ее расходы. Мириель получал от государства, как епископ, оклад в пятнадцать тысяч франков. В тот день, когда епископ Мириель перебрался в больницу, он раз навсегда распределил расходование этой суммы. Смету он составил своей рукой:

На выкуп из долговой тюрьмы отцов семейств	1000 франков
Дополнительные оклады сельским учителям	2000 франков
Хлебозапасным магазинам в департаменте	
Верхних Альп	100 франков
Женской конгрегации ² Диня, Маноска и Систерона	
для бесплатного обучения девочек	1500 франков
и т. д. и т. д.	
Кроме того, бедным	6000 франков
Мои личные расходы	1000 франков

Так монсеньор распределил все 15 000 франков.

За все время своего пребывания на епископской кафедре в Дине преосвященный Мириель не изменил ни в чем этого распределения. Он называл его «смета расходов моего дома».

Это распределение было принято мадемуазель Батистиной без возражений. Для этой святой девушки епи-

¹ *Рента* — годовой доход с капитала.

² *Конгрегация* — объединение монашеских общин католической церкви.

скоп был в одно и то же время и братом и духовным лицом. Она простодушно любила его и благоговела перед ним. Она повиновалась его слову и была согласна со всеми его действиями. Только одна служанка, мадам Маглуар, иногда немного ворчала. Как указано выше, епископ на свои расходы оставил только тысячу франков, которые вместе с пенсией мадемуазель Баттистины составляли полторы тысячи франков в год. На эти полторы тысячи жили все трое: обе старухи и старик.

И когда какой-нибудь сельский священник приезжал в Динь, епископ благодаря строгой экономии мадам Маглуар и разумной распорядительности мадемуазель Баттистины находил еще возможность принять его у себя.

Пробывши в Дине месяца три, епископ как-то раз заметил:

— А ведь я, правду сказать, очень стеснен в средствах!

— Еще бы! — воскликнула мадам Маглуар. — Ваше преосвященство не потребовали даже прибавки, которую департамент обязан вам выдавать на содержание городского экипажа и на разъезды по епархии. Прежние епископы всегда пользовались этим правом.

— А ведь вы правы, мадам Маглуар! — сказал епископ.

И он подал заявление о прибавке.

Спустя немного времени генеральный совет, приняв во внимание требование епископа, постановил выдавать ему ежегодную сумму в три тысячи франков под следующей рубрикой: «Епископу на содержание экипажа, на почтовые расходы и на разъезды по епархии».

Мадам Маглуар обрадовалась прибавке.

— Слава богу! — сказала она мадемуазель Баттистине. — Его преосвященство начал с других, но потом вспомнил и о себе. Он уже отдал бедным все суммы, которые им полагались. Эти три тысячи останутся нам. Наконец-то!

В тот же вечер епископ подал сестре следующую записку:

Из суммы на экипаж и разъезды:

На мясной бульон для больных в больнице	1500 франков
Обществу призрения сирот в городе Эксе	250 франков
Обществу призрения сирот в Драгиньяне	250 франков
Воспитательному дому	500 франков
Сиротам	500 франков
Итого	3000 франков

Таков был бюджет епископа Мириеля.

Что касается случайных епископских доходов с церковных оглашений, разрешений, соборований, проповедей, освящения церквей или часовен, свадеб и т. д., то епископ брал с богатых с большим рвением, чтобы все полученное отдавать бедным.

Спустя немного времени к нему отовсюду начали стекаться денежные суммы для бедных. Как имущие, так и неимущие одинаково стучались в дверь епископа Мириеля. Одни приходили за милостыней, другие приносили ее. Менее чем через год епископ сделался казначеем всех благодетелей и кассиром всех нуждающихся.

Значительные суммы проходили через его руки, но ничто не могло повлиять на то, чтобы он изменил свой образ жизни.

Какое там! Так как всегда больше нищеты внизу, чем щедрости наверху, все раздавалось, так сказать, раньше, чем получалось; деньги поглощались, как вода, пролитая на сухую почву, сколько бы он ни получал, ему никогда не хватало. И он опять урезывал себя.

Согласно обычаю епископы в заголовках пастырских посланий и указах по епархии выставляли все свои имена, полученные при крещении. Местная беднота выбрала из этих имен то, которое, по ее мнению, больше всего подходило епископу, и называла его не иначе, как монсеньор Бьенвеню¹. Мы последуем их примеру и будем также называть его этим именем. Оно очень нравилось и ему самому. «Я люблю это имя, — говорил он. — Бьенвеню служит поправкой к монсеньору».

¹ *Бьенвеню* на французском языке означает «желанный гость».

ДОБРОМУ ЕПИСКОПУ ТЯЖЕЛАЯ ЕПАРХИЯ

Епископ не отказался от своих пастырских разъездов, несмотря на то что все суммы, которые ему за это причитались, раздавал бедным. Диньская епархия представляла мало удобств для путешествий. В этой гористой местности почти не было дорог; в ней числилось тридцать два прихода, сорок один викариат и двести восемьдесят пять церквей без причта. объехать все это было нелегко. Епископ, однако, справлялся с этой обязанностью: в соседние места он ходил пешком, по равнине ездил в одноколке, по горам — верхом. С ним обыкновенно ездили обе старушки. Только в такие места, где дороги были чересчур плохи, он отправлялся один.

Во время пастырских объездов он был снисходителен и кроток, больше беседовал, чем проповедовал. Жителям одной местности он часто ставил в пример другую, соседнюю. В округах, где сурово обращались с бедными, он говорил: «Посмотрите на жителей Бриансона. Они разрешили беднякам, вдовам и сиротам косить луга на три дня раньше остальных. Они бесплатно строят им дома, когда старые разрушаются. За это Господь благословил их страну. В продолжение целого столетия там не было ни одного убийства».

В деревнях, алчных к наживе, он говорил: «Посмотрите на жителей Анбрена: когда отец семейства, сыновья которого служат в армии, а дочери живут в городе, захворает во время жатвы, все жители деревни: мужчины, женщины, дети — в воскресенье идут на поле бедняка, дожинают за него жатву и приносят ему в амбар зерно с его поля».

Семьям, ссорившимся из-за денег и наследства, он говорил: «Посмотрите на горцев Девольни. Это такие глухие места, где за пятьдесят лет и соловья не услышишь. Когда у них умирает отец семейства, сыновья уходят на заработки, а все имущество оставляют сестрам на приданое, чтобы они могли выйти замуж». В округах, где любил судиться и где крестьяне разорялись на гербовую бу-

магу, он говорил: «Посмотрите на добрых землепашцев долины Кейра! Их там три тысячи душ. Боже мой! Это словно маленькая республика. Там не знают ни судей, ни судебных приставов. Все делает мэр. Он распределяет налоги, оценивает по совести, бесплатно разбирает ссоры, делит наследство без вознаграждения, выносит приговоры без судебных издержек; и его слушаются потому, что он справедливый человек среди простых людей». В селениях, где не было школьных учителей, он опять ссылался на Кейра: «Знаете ли вы, как они поступают? — говорил он. — Так как маленькая деревушка в двенадцать или пятнадцать дворов не всегда имеет возможность содержать учителя, то они на весь околоток приглашают одного преподавателя, который и учит, переходя из деревни в деревню, оставаясь восемь дней в одной, десять в другой. Эти учителя ходят по ярмаркам. Там-то я их и видел. Их можно узнать по гусиным перьям, воткнутым в шляпу. Те, которые учат только читать, носят одно перо, те, которые учат читать и считать, — два; те, которые, кроме того, учат еще и латыни, — три пера. Эти последние — настоящие ученые. Великий позор быть безграмотным! Поступайте так, как жители Кейра!..»

Так поучал он их, требовательный и любящий, как отец. Когда не было подходящих примеров, он сам сочинял назидательные истории. В них было мало фраз и много образов, и потому речь его была убедительна и неотразима.

4

СЛОВО НЕ РАСХОДИТСЯ С ДЕЛОМ

Дома он разговаривал всегда приветливо и ласково. Он приноравливался к понятиям обеих старушек, с которыми жил. Смеялся же он всегда от души, как школьник.

Мадам Маглуар любила называть его «Отче великий». Как-то раз епископ, встав со своего кресла, прошел в библиотеку за книгой. Книга эта находилась на верхней полке. Будучи мал ростом, он не смог ее достать.

— Мадам Маглуар, — сказал он, — принесите мне стул. Великий отче слишком мал для этой полки.

При случае епископ любил пошутить, но за шуткой у него всегда скрывалась серьезная мысль. Однажды, во время поста, в Динь приехал молодой викарий¹ и произнес в соборе проповедь. Викарий был довольно красноречив. Темой проповеди была милостыня. Он уговаривал богатых помогать бедным, чтобы избежать ада, который изобразил в самых ужасных красках, и заслужить рай, блаженство которого он не менее ярко обрисовал. В числе слушателей находился один богатый купец, удалившийся от дел, по имени Жеборан. Он нажил на производстве сукна два миллиона франков. За всю свою жизнь Жеборан не подал ни разу милостыни бедным. Со времени проповеди все начали замечать, что каждое воскресенье он подает одно су² нищим старушкам у паперти собора. Их было шесть, и они делили эту подачку между собой. Увидев однажды, как он подает милостыню, епископ с улыбкой сказал сестре: «Посмотри, господин Жеборан покупает себе рай на одно су».

Однажды он произнес в соборе такую проповедь:

«Дорогие мои братья, добрые мои друзья! Во Франции миллион триста двадцать тысяч крестьянских домов с тремя отверстиями, миллион восьмьсот семнадцать тысяч домов с двумя отверстиями: дверь и окно, и, наконец, триста сорок шесть тысяч хижин с одним отверстием — дверью. Это происходит потому, что существует налог на окна и двери. Поместите в эти дома бедные семьи, старых женщин, малолетних детей — вы увидите, какие там будут болезни. Увы! Бог дал людям воздух, а закон берет за него деньги. В Изере, в Варе, в двух альпийских департаментах, Нижнем и Верхнем, у крестьян нет даже тачек, удобрения они носят в поле на спине; вместо свечей они жгут смоляные факелы и фитили в смоляных плошках. Так водится на всем пространстве Верхнего Дофине. Они пекут хлеб раз в шесть месяцев и пекут его на сушеном коровьем помете. Зимой они разрубают этот хлеб и, перед

¹ *Викарий* — один из заместителей епископа.

² *Су* — мелкая разменная монета, равная одной двадцатой франка.

тем как есть, мочат его целые сутки в воде. Сжальтесь, братья мои, посмотрите, сколько страданий вокруг вас!»

Уроженец Прованса, он быстро усвоил все местные словечки и выражения. Это очень нравилось народу и немало способствовало его влиянию на умы. В горных хижинах он был как у себя дома. Он умел говорить о самых возвышенных предметах на самом простом языке.

К тому же он обращался совершенно одинаково как со знатными людьми, так и с простым народом.

Он не осуждал никого, не приняв в соображение всех обстоятельств. «Надо прежде всего узнать дорогу, которой шел проступок», — говорил он.

Епископа Мириеля можно было во всякое время звать к изголовью больных или умирающих. Он сознавал, что это его главная обязанность и труд. Вдовам и сиротам не нужно было даже его звать: он сам являлся к ним. Он умел молча долгие часы просиживать возле мужа, схоронившего любимую жену, возле матери, потерявшей ребенка. Он знал, когда нужно молчать, когда говорить. Он не пытался усыпить горе забвением, но старался возвысить и облагородить его надеждой. Он старался утешить и успокоить человека, впавшего в отчаяние, и, силясь отвлечь его взор, направленный на могилу, указывал ему на звезду, сияющую в небесах.

5

МОНСЕНЬОР БЬЕНВЕНЮ СЛИШКОМ ПОДОЛГУ НОСИТ СВОИ ПОДРЯСНИКИ

В своей домашней жизни епископ Мириель руководился теми же идеями, что и в общественной. Добровольная бедность, в которой жил диньский преосвященный, представила бы поучительное и привлекательное зрелище, если взглянуть на нее поближе.

Как все старые люди и как большинство мыслителей, он спал мало. Его непродолжительный сон был крепок. Утром в продолжение часа он предавался размышлению, затем служил мессу в соборе или у себя дома. После мессы он завтракал молоком с ржаным хлебом. Потом он работал.

Епископ — человек занятой: он должен каждый день принимать секретаря епархии и почти каждый день — своих викариев. На нем лежит контроль над духовными обществами, раздача привилегий, разбор духовных книг; он должен писать пастырские послания, просматривать проповеди, разбирать ссоры священников с мэрами, вести переписку духовную и административную — у него тысячи разных дел.

Свободное время от этих дел и своих служб он посвящал нуждающимся, больным и скорбящим; оставшееся время он посвящал работе: копал землю в саду, читал или писал. Все эти занятия он называл одним словом: «садовничать». «Ум человеческий — это сад», — говорил он.

Около полудня епископ в хорошую погоду отправлялся гулять пешком по городу или окрестностям, часто заходя в лачуги бедняков. Он ходил один, погруженный в свои мысли, опустив глаза, опираясь на высокую трость, в фиолетовой довольно теплой ватной рясе, фиолетовых же чулках, грубых башмаках и в плоской треугольной шляпе с золотыми кистями.

Его появление было для всех праздником. Дети и старики выходили из дверей посмотреть на епископа, как на солнце. Он благословлял, и его благославляли. Всем, кто в чем-нибудь нуждался, указывали на его дом.

То тут, то там епископ останавливался, разговаривал с маленькими мальчиками и девочками и улыбался матерям. Когда у него были деньги, он навещал бедных, когда денег не было — богатых.

Он изнашивал свои подрясники до полной ветхости. Не желая, чтобы люди об этом знали, он выходил в город не иначе как в теплой фиолетовой рясе. Летом это было довольно затруднительно.

По возвращении с прогулки епископ обедал. Обед был похож на завтрак.

Вечером, в половине девятого, он ужинал вместе с сестрой; мадам Маглуар прислуживала им. Эта трапеза была также очень проста. Только тогда, когда у епископа ужинал кто-нибудь из священников, мадам Маглуар, пользуясь случаем, угощала преосвященного какой-нибудь вку-

ной озерной рыбой или горной дичью. Каждый гость являлся предлогом для хорошего ужина, и епископ мирился с этим. Обыкновенно же его еда состояла из овощей, отваренных в воде, и из супа на растительном масле.

После ужина он с полчаса разговаривал с мадемуазель Баттистиной и старушкой Маглуар; потом уходил к себе и садился писать — то на отдельных листах, то на полях какой-нибудь книги. Он был хорошо образован.

Около девяти часов вечера обе женщины уходили к себе наверх, и епископ до утра оставался один в нижнем этаже.

Здесь нам необходимо подробно описать расположение дома, в котором жил диньский епископ.

6

КТО СТЕРЕЖЕТ ДОМ ЕПИСКОПА

Дом, в котором он жил, как мы уже говорили, был мал и низок: три комнаты внизу, три в верхнем этаже и чердак. Позади дома расположился сад в четверть десятины. Обе женщины помещались в верхнем этаже. Епископ жил внизу. Первая комната, дверь которой выходила на улицу, служила столовой, вторая — спальней, третья — молельной. Комнаты, за исключением молельни, были проходными: попасть в спальню можно было только через столовую, а в молельню — через спальню. В молельне был отгорожен альков, там стояла кровать для гостей. Епископ оставлял эту кровать для деревенских священников, приезжавших по делам и нуждам своих приходов в город Динь.

Кухню переделали из больничной аптеки — маленькой пристройки, выходившей в сад.

В саду же появился хлев, переделанный из прежней больничной кухни; в нем помещались две коровы епископа. Какое бы количество молока ни давали коровы, епископ ежедневно половину отсылал больным. «Я плачу десятину», — говорил он.

Комната епископа была довольно велика, и в холодную погоду ее нелегко было натопить. Так как дрова в Дине

были очень дороги, то он придумал отделить для себя дощатой перегородкой комнатку в коровнике. Здесь он проводил вечера в сильные холода. Эту комнату он называл своей «зимней гостиной».

Как в «зимней гостиной», так и в столовой вся мебель состояла из некрашеного четырехугольного деревянного стола и четырех соломенных стульев. В столовой, кроме того, имелся еще старый, выкрашенный розовой краской буфет.

В молельне стояли два соломенных стула, а в спальне — одно соломенное кресло. Когда к епископу приезжали в гости несколько человек, префект или генерал, офицеры гарнизона или ученики семинарии, то приходилось приносить стулья из «зимней гостиной», из молельни и кресло из спальни. Таким образом удавалось набрать до одиннадцати сидений. Для каждого нового гостя освобождалась какая-нибудь комната.

Иногда гостей собиралось человек двенадцать. Тогда епископ, чтобы не создавать неловкости, становился у камина, если это было зимой, или предлагал пройтись по саду, если это случалось летом.

Правда, был еще один стул в алькове, но всего о трех ножках, да и солома наполовину истрепалась, так что он мог служить, только прислоненный к стене. В комнате мадемуазель Баттистины была, правда, еще большая кушетка, когда-то позолоченная и обитая цветистой китайской тафтой, но ее можно было пронести только через окно: лестница была слишком узка; следовательно, кушетка не могла идти в счет запасной мебели.

Заветной мечтой мадемуазель Баттистины было приобрести гостиную мебель из красного дерева, обтянутую желтым утрехтским бархатом, с резными изогнутыми ручками, но все это стоило по меньшей мере пятьсот франков, а она смогла за пять лет отложить на этот предмет только сорок два франка и десять су. Мадемуазель Баттистина бросила свою мечту.

Нет ничего легче, чем представить себе спальню епископа. Балконная дверь, выходящая в сад; у стены на-

против железная больничная койка с зеленым саржевым пологом; подле кровати, за занавеской, туалетные принадлежности, некоторой изысканностью изобличающие привычки бывшего светского человека; две двери: одна возле камина, ведущая в молельню, другая у библиотечного шкафа, ведущая в столовую; библиотека — большой шкаф со стеклянными дверцами, набитый книгами; деревянный камин, выкрашенный под мрамор, над камином стертая медная посеребренная распятие на черном полинялом бархате, в деревянной, со стертой позолотой, рамке. У балконной двери большой стол, на нем чернильница, кипы бумаг и толстые книги. Перед столом соломенное кресло. У кровати аналой, принесенный из молельни.

Все комнаты, как верхние, так и нижние, были оштукатурены и выбелены, как это принято в казармах и больницах.

Полы были красные, кирпичные, их мыли каждую неделю. У каждой кровати лежало по соломенному половику. Нужно прибавить, что обе женщины содержали весь дом в образцовой чистоте. Это была единственная роскошь, которую допускал епископ. «Это ничего не отнимает у бедных», — говорил он.

От всего прежнего богатства у епископа остались только шесть серебряных столовых приборов и разливательная ложка. Мадам Маглуар ежедневно любовалась блеском этих вещей, разложенных на белоснежной скатерти обеденного стола, и так как мы описываем епископа города Диня таким, каким он был на самом деле, то должны прибавить, что он часто говорил: «Мне трудно было бы есть иначе, чем серебряной ложкой и вилкой».

Кроме этого серебра, у него были еще два больших массивных серебряных подсвечника, доставшиеся ему по наследству от двоюродной бабки. Эти подсвечники с восковыми свечами стояли обыкновенно на камине в комнате епископа. Когда к обеду бывали гости, мадам Маглуар зажигала свечи и ставила подсвечники на стол.

У изголовья кровати епископа был маленький стеной шкафчик, в который мадам Маглуар каждый вечер

убирала эти шесть серебряных приборов и суповую ложку. Надо заметить, что ключ в этом шкафчике никогда не вынимался из замка.

Сад, несколько испорченный некрасивыми постройками, упомянутыми нами выше, состоял из четырех аллей, перекрещивавшихся у колодца; пятая аллея обегала вокруг всего сада и шла вдоль белой ограды, которой он был обнесен. Между аллеями были четыре грядки, обсаженные буксом. На трех из них мадам Маглуар разводила овощи, на четвертой епископ посадил цветы. В саду росли и плодовые деревья. Как-то раз мадам Маглуар с незлобной насмешкой сказала епископу: «Монсеньор, вы из всего извлекаете пользу, а вот, например, эта клумба пропадает даром. Лучше бы посадить здесь салат, чем цветы». — «Вы ошибаетесь, мадам Маглуар, — возразил епископ. — Прекрасное так же нужно, как и полезное. — И, помолчав, он добавил: — Быть может, даже нужнее».

Грядки в саду занимали епископа не меньше, чем книги. Он охотно проводил в саду час или два каждый день, подрезал сучья, выпалывал траву, копал землю.

Летом епископ каждый вечер поливал свой цветник из жестяной лейки, выкрашенной в зеленый цвет.

Ни одна дверь в доме не запиралась на ключ. Дверь столовой, выходившая, как мы уже говорили, прямо на соборную площадь, раньше запиралась на замок и на засов, как запираются двери тюрем. Епископ велел снять все эти запоры, и дверь как днем, так и ночью запиралась только на щеколду, так что всякий прохожий когда угодно мог ее отворить. В первое время эта незапертая дверь сильно тревожила обеих женщин, но епископ сказал им: «Велите приделать замки к вашим дверям, если они вам нужны». Женщины в конце концов примирились или, быть может, сделали вид, что примирились с этим. Только по временам на мадам Маглуар нападал страх.

«Священник должен быть храбрым по-своему, а драгунский полковник по-своему, — часто говорил епископ. — Разница только в том, — прибавлял он, — что наша храбрость должна быть полна спокойствия».

ОГОВОРКА

Так как мы описываем епископа таким, каким он был в действительности, и не хотим ничего скрывать, то должны сказать, что он довольно холодно отнесся к падению Наполеона. Начиная с 1813 года он сочувственно относился ко всем враждебным последнему демонстрациям. Он не пожелал видеться с Наполеоном, когда тот проезжал мимо, возвращаясь с острова Эльбы, и во время Ста дней не сделал распоряжения по епархии о возглашении в церквях молитв об императоре.

Кроме сестры Баттистины, у него было еще два брата: один — генерал, другой — префект. Он часто писал им обоим. Одно время отношения его с первым братом обострились потому, что тот, командуя войсками в Провансе, во время Каннской высадки, стоя во главе отряда из тысячи двухсот человек, только для виду преследовал императора, дав ему возможность уйти. Переписка его с другим братом носила более душевный характер; этот префект в отставке был хороший, честный человек, живший в Париже на улице Кассет.

Швейцар при ратуше города Динь был назначен самим императором. Это был старый унтер-офицер наполеоновской гвардии, участник сражения при Аустерлице — словом, настоящий бонапартовский орел. Порой в речи его прорывались необдуманные выражения, считавшиеся по тогдашним законам «призывом к мятежу». Он охотно во всеуслышание насмехался над Людовиком XVIII. «Старый подагрик в английских штиблетах, пускай идет себе обратно в Пруссию!» — говорил он, счастливый тем, что мог соединить в одном ругательстве две вещи наиболее неприятные: Пруссию и Англию. За все это он лишился места и очутился с женой и детьми на улице. Епископ позвал его к себе, слегка пожурил и дал ему место соборного швейцара.

В течение девяти лет монсеньор Бьенвеню своими добрыми делами и кротким обращением приобрел в городе Дине всеобщую искреннюю любовь.

ОДИНОЧЕСТВО МОНСЕНЬОРА БЬЕНВЕНЮ

Вокруг всякого епископа толпится целая стая подчиненных ему аббатов, как вокруг генерала теснится свита молодых офицеров. Всякая власть имеет своих кандидатов, составляющих ее свиту; всякое богатство — своих прихлебателей, всякий двор — своих придворных. Всякий мало-мальски влиятельный епископ окружен стражей из семинарских херувимов, совершающих обход, следящих за порядком епископского дворца и караулящих улыбку преосвященного.

Как в административном, так и в церковном мире есть свои тузы. Это — епископы, имеющие протекцию при дворе, богатые, с хорошими доходами, ловкие, знающие свет, умеющие, без сомнения, молиться, но умеющие и делать свои дела. Счастливы те, которые состоят при них! Люди они влиятельные, им ничего не стоит облагодетельствовать всю эту умеющую им угодить молодежь, раздать любимцам богатые приходы, соборные доходы, архиidiaконские места и кафедральные должности, что, в сущности, составляет шаг к епископскому месту.

Бедный, скромный, живущий по своим убеждениям, монсеньор Бьенвеню не принадлежал к числу этих тузов. Поэтому около него не увивались молодые священники. Не было никакого расчета заискивать у этого старика. Его каноники и старшие викарии были добрые старики, немного омужичившиеся, как и он сам, никогда не помышлявшие о кардинальской шапке и похожие на своего епископа, с той только разницей, что они были люди отжившие, а он человек законченный. Все чувствовали, что, состоя при нем, нельзя получить повышение, поэтому молодые люди, окончившие духовные училища и рукоположенные им в сан священника, спешили уехать и обращались с просьбами к другим епископам. И потому монсеньор Бьенвеню был одинок.

Книга вторая

ПАДЕНИЕ

1

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДНЕВНОГО ПУТИ

В первых числах октября 1815 года, примерно за час до захода солнца, в маленький городок Динь вошел пеший странник. Стоявшие в это время у окон или на порогах домов немногочисленные жители города с некоторым беспокойством смотрели на прохожего. У него был очень измученный вид. Это был человек среднего роста, широкоплечий, коренастый, в полной силе. На вид ему можно было дать лет сорок шесть или сорок восемь. Низко надвинутая фуражка с кожаным козырьком наполовину прикрывала его потное, загорелое лицо. Рубашка из толстого небеленого холста, застегнутая у ворота серебряным якорем, не закрывала его волосатую грудь; на нем был надет галстук, скрутившийся в веревку, синие поношенные тиковые штаны, истертые на одном колене, дырявые на другом, серая ветхая блуза с заплатой из зеленого сукна на одном локте, пришитой толстыми нитками; на спине висел новый солдатский ранец, битком набитый и крепко застегнутый ремнем, в руках он держал громадную сучковатую палку; на босые ноги надеты были башмаки, подбитые гвоздями; голова у него была острижена, а борода отпущена.

Пот, зной, пыль и утомление от долгой ходьбы придавали его внешности что-то угрюмое.

Его короткие волосы, видимо недавно остриженные и начинавшие немного отрастать, стояли щетиной.

Никто не знал его в этих местах; вероятно, это был случайный прохожий.

Откуда он шел? Может быть, от берега моря. Он вошел в Динь по той самой улице, по которой семь месяцев тому назад въехал Наполеон, проезжая из Канн в Париж.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Часть 1 **ФАНТИНА**

Книга первая. ПРАВЕДНИК	9
1. Мириель	9
2. Господин Мириель становится монсеньором Бьенвеню	11
3. Доброму епископу тяжелая епархия	16
4. Слово не расходится с делом	17
5. Монсеньор Бьенвеню слишком подолгу носит свои подрясники	19
6. Кто стережет дом епископа	21
7. Оговорка	25
8. Одиночество монсеньора Бьенвеню	26
Книга вторая. ПАДЕНИЕ	27
1. Вечер после дневного пути	27
2. Мудрому советуют быть благоразумным	38
3. Послушание обеих женщин	41
4. Подробности о сыроварнях в Понтарлье	46
5. Тишина	48
6. Жан Вальжан	50
7. Отчаяние	55
8. Новые обиды	59
9. Человек проснулся	61
10. Что он сделал	63
11. Епископ за работой	66
12. Малыш Жервэ	70
Книга третья. ДОВЕРИТЬ ИНОЙ РАЗ ЗНАЧИТ ПРЕДАТЬ ...	78
1. Встреча двух матерей	78
2. Первая зарисовка двух сомнительных личностей	87
3. Жаворонок	88

Книга четвертая. ПОД ГОРУ	92
1. История производства черного стекла	92
2. Господин Мадлен	93
3. Деньги, положенные у Лаффита	95
4. Господин Мадлен в трауре	97
5. Неясные проблески	98
6. Дядя Фошлеван	101
7. Фошлеван становится садовником в Париже	104
8. Госпожа Виктюрье	105
9. Успех госпожи Виктюрье	107
10. Последствия	108
11. Забавы праздного франта	113
12. Разрешение некоторых вопросов полицейского надзора	114
Книга пятая. ЖАВЕР	122
1. Начало успокоения	122
2. Каким образом «Жан» может превратиться в «Шан»	124
Книга шестая. ДЕЛО ШАНМАТЬЕ	133
1. Сестра Симплиция	133
2. Проницательность Скофлэра	135
3. Душевная буря	138
4. Утро	143
5. Путешественник принимает меры к тому, чтобы обеспечить себе обратный отъезд	145
6. Вход по особому разрешению	149
7. Место, где слагаются те или иные убеждения	152
8. Система запирательства	157
9. Шанматье удивляется все больше и больше	164
Книга седьмая. ВСТРЕЧНЫЙ УДАР	169
1. Господин Мадлен смотрит на свои волосы	169
2. Фантина счастлива	171
3. Жавер доволен	175
4. Власть вступает в свои права	176
5. Достойная могила	180

Часть 2 КОЗЕТТА

Книга первая. ВАТЕРЛОО	187
1. Что можно встретить на пути из Нивеля	187
2. Гутомон	188

3. 18 июня 1815 года	190
4. Неясное начало сражения	191
5. Четыре часа пополудни	193
6. Наполеон в хорошем расположении духа	194
7. Наполеон задает вопрос проводнику Лакосту	197
8. Неожданность	199
9. Плато Мон-Сен-Жан	201
10. Плохой проводник	204
11. Гвардия	205
12. Крушение	206
13. Поле сражения ночью	207

Книга вторая. КОРАБЛЬ «ОРИОН»	212
1. Номер 24 601 становится номером 9430	212
2. Булатрюель	213
3. Цепь разбивается от удара молотком	216

Книга третья. ИСПОЛНЕНИЕ ОБЕЩАНИЯ, ДАННОГО УМЕРШЕЙ	220
1. Вопрос о водоснабжении в Монфермейле	220
2. Два законченных портрета	222
3. Вина людям и воды лошадям	224
4. На сцену выходит кукла	227
5. Маленькая девочка одна	228
6. Булатрюель не зря строил свои догадки	232
7. Козетта в темноте рядом с незнакомцем	237
8. Бедняк или миллионер?	240
9. Тенардь в действии	256
10. Тенардь забывает захватить ружье	264
11. Номер 9430 появляется снова	268

Книга четвертая. ДОМ ГОРБО	270
1. Номер 50—52	270
2. Гнездо для филина с малиновкой	272
3. Два несчастья, соединяясь, дают счастье	273
4. Наблюдения хозяйки помещения	276
5. Монета в пять франков, падая на пол, производит шум ...	278

Книга пятая. ПОГОНЯ	282
1. Стратегические обходы	282
2. Хорошо, что по Аустерлицкому мосту ездят экипажи	284
3. Смотри план Парижа 1727 года	285

4. Что было бы невозможно при газовом освещении	287
5. Начало загадки	290
6. Загадка усложняется	291
7. Человек с бубенчиком	294
8. Жавер остался с носом	297

Книга шестая. УЛЬТИМ ФОШЛЕВАН	301
1. Монастырь	301
2. Фошлеван в затруднительном положении	303
3. Удавшийся допрос	305
4. В монастыре	307

Часть 3 **МАРИУС**

Книга первая. ПАРИЖ МОЖНО УЗНАТЬ ПО ЕГО АТОМУ	311
1. Дитя Парижа	311
2. Некоторые отличительные его признаки	311
3. Он может быть полезен	312
4. Границы его владений	313
5. Немножко истории	314
6. Великий город	315
7. Будущее, таящееся в народе	317
8. Маленький Гаврош	318

Книга вторая. БУРЖУА	321
1. Девяносто лет и тридцать два зуба	321
2. Каков хозяин, таков и дом	322
3. Правило: гостей принимать только по вечерам	322
4. Двое — не всегда пара	323

Книга третья. ДЕД И ВНУК	325
1. Один из красных призраков того времени	325
2. Смерть «разбойника»	329
3. Мариус узнаёт правду об отце	333
4. Что может выйти из встречи с церковным старостой	335
5. Мрамор против гранита	338

Книга четвертая. «ДРУЗЬЯ НАРОДА»	342
1. Группа людей, которая могла стать известной в истории	342
2. Удивление Мариуса	345
3. Задняя комната кафе «Мюзен»	346
4. В стесненных обстоятельствах	349

Книга пятая. ВЕЛИЧИЕ НЕСЧАСТЬЯ	352
1. Мариус в нищете	352
2. Жизнь Мариуса	353
3. Мариус стал взрослым	355
4. Господин Мабеф	357
Книга шестая. ВСТРЕЧА ДВУХ ЗВЕЗД	360
1. Господин Леблан и мадемуазель Ленуар	360
2. Перемена.	362
3. Действие весны	364
4. Начало серьезного заболевания	365
5. Несколько громовых ударов поражают тетку Бугон	367
6. Догадки относительно буквы «у»	368
7. Затмение	369

Часть 4 **ИДИЛЛИЯ УЛИЦЫ ПЛЮМЭ И ЭПОПЕЯ УЛИЦЫ СЕН-ДЕНИ**

Книга первая. НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИСТОРИИ	375
1. Факты, из которых рождается история	375
2. Анжольрас и его помощники	378
Книга вторая. ДОМ НА УЛИЦЕ ПЛЮМЭ	380
1. Таинственное убежище	380
2. Жан Вальжан в национальной гвардии	383
3. Сад	385
4. Из одного затворничества в другое.	386
5. Роза замечает, что она становится опасным боевым оружием ..	389
6. Начало битвы	393
7. Новая печаль	395
8. Арестантский обоз.	399
Книга третья. КОНЕЦ, КОТОРЫЙ НЕ ПОХОЖ НА НАЧАЛО ...	406
1. Мариус, отыскивая молодую девушку в шляпке, встречает мужчину в фуражке	406
2. Одиночество и соседство казарм	407
3. Страхи Козетты	409
4. Комментарии Туссен	412
5. Сердце под камнем	415
6. Козетта после письма	417
7. Старики существуют для того, чтобы вовремя уходить из дому.	418

Книга четвертая. МАЛЕНЬКИЙ ГАВРОШ	422
1. Злая шалость ветра	422
2. Гаврош находит дверь запертой	424
3. Маленький Гаврош извлекает пользу из Наполеона Великого	426
Книга пятая. ВОСТОРГИ И ПЕЧАЛИ	446
1. Полное счастье	446
2. Ослепление счастьем	447
3. Первая тень	448
4. Мариус оставляет Козетте свой адрес	449
5. Два сердца — старое и юное — становятся лицом к лицу	455
Книга шестая. КУДА ОНИ ИДУТ?	467
1. Жан Вальжан	467
2. Мариус	468
3. Мабеф	470
Книга седьмая. 5 ИЮНЯ 1832 ГОДА	475
1. Похороны как повод для возрождения	475
2. Дальнейшие события	479
3. Своеобразие Парижа	480
Книга восьмая. МАЛЫЙ АТОМ БРАТАЕТСЯ С БУРЕЙ	482
1. Несколько слов о происхождении поэзии Гавроша	482
2. Гаврош в походе	484
3. Справедливое негодование цирюльника	485
4. Ребенок удивляется старику	487
5. Старик	488
6. Новые приверженцы	489
Книга девятая. «КОРИНФ»	491
1. История «Коринфа» со времени его основания	491
2. Веселье перед бурей	494
3. Над Грантэром начинается мрак	498
4. Попытка утешить вдову Хюшлу	501
5. Приготовления	503
6. В ожидании	505
7. Человек, приставший на улице Биллет	506
8. Человек, который назвал себя Кабюком	509

Книга десятая. МАРИУС ПОГРУЖАЕТСЯ ВО МРАК.	514
1. От улицы Плюмэ до квартала Сен-Дени.	514
2. Париж с совиного полета.	517
3. На самом краю.	519
Книга одиннадцатая. ВЕЛИЧИЕ ОТЧАЯНИЯ.	521
1. Знамя. Действие первое.	521
2. Знамя. Действие второе.	524
3. Мариус приходит на баррикаду.	526
4. Бочонок с порохом.	527
5. Конец стихов Жана Прувэра.	529
6. Гаврош высчитывает расстояние.	531
Книга двенадцатая. УЛИЦА ОПОЛЧЕНЦА.	533
1. Предательский бювар.	533
2. Гамен — враг уличного освещения.	539
3. Пока спят Козетта и Туссен.	543

Часть 5 ЖАН ВАЛЬЖАН

Книга первая. ВОЙНА В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ.	547
1. Ночью и на рассвете.	547
2. Затмение и прояснение.	550
3. Пятью меньше, одним больше.	551
4. Какой горизонт открывается с вершины баррикады.	555
5. Мариус угрюм, Жавер лаконичен.	557
6. Положение становится все более серьезным.	558
7. Артиллеристы всерьез принимаются за дело.	562
8. Применение браконьерского таланта стрелять без промаха.	565
9. Утренняя заря.	566
10. Ружейный выстрел, который попадает в цель и никого не убивает.	569
11. Бесплезная атака.	570
12. Недолгая вспышка.	572
13. Возлюбленная Анжольраса.	573
14. Гаврош снаружи.	576
15. Каким образом из брата превращаются в отца.	579
16. Коршун, сам сделавший добычей.	584

17. Жан Вальжан мстит	588
18. Герои	590
19. Шаг за шагом	593
20. Смерть Анжольраса	596
21. Пленник	599

Книга вторая. ПОДЗЕМНЫЙ ПАРИЖ 603

1. Клоака и ее сюрпризы	603
2. Объяснение.	608
3. Слежка.	611
4. Нелегкая ноша	615
5. Коварство песка.	618
6. Трясина	622
7. Иногда терпят крушение почти у самой пристани	624
8. Обрывок от сюртучной полы.	626
9. Мариус кажется мертвым тому, кто сведущ в этом деле.	632
10. Возвращение блудного сына	636
11. Даже абсолютное бывает поколеблено	638
12. Дед	640

Книга третья. ЖАВЕР СХОДИТ С ПУТИ 646

1. Жавер сходит с пути	646
----------------------------------	-----

Книга четвертая. ВНУК И ДЕД 655

1. Мы снова видим дерево с цинковой пластинкой	655
2. После войны гражданской Мариус готовится к войне домашней	658
3. Мариус идет в атаку	663
4. Господин Фошлеван входит, держа что-то под мышкой	667
5. Клад, спрятанный в лесу	671
6. Два старика, каждый по-своему, стараются сделать Козетту счастливой	673
7. Мечты и действительность	677
8. Двое людей, которых невозможно найти	680

Книга пятая. СВЕТЛАЯ НОЧЬ 685

1. 16 февраля 1833 года	685
2. У Жана Вальжана рука все еще на перевязи	692
3. Неразлучный друг	697
4. Снова мучения	699

Книга шестая. ПОСЛЕДНИЙ ГЛОТОК ИЗ ЧАШИ СТРАДАНИЙ	703
1. Признание	703
2. Во всяком признании может остаться много неясного	718
3. Притяжение и отдаление	721
Книга седьмая. ПОСЛЕДНИЙ МРАК, ПОСЛЕДНЯЯ ЗАРЯ ..	723
1. Жалость к несчастным и снисхождение к счастливым.	723
2. Последние вспышки догорающей лампы	724
3. Перо кажется тяжелым тому, кто поднимал телегу Фошлевана	726
4. Ушат грязи, который обеляет, вместо того чтобы очернить ..	729
5. Ночь, за которой встает день	747
6. Трава скрывает, а дождь смывает	756

Литературно-художественное издание

ВИКТОР ГЮГО
ОТВЕРЖЕННЫЕ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Витько, Станислава Кучепатова,
Валентина Гончар, Елена Орлова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Подписано в печать 29.10.2018.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 33,84.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AKB-11837-13-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/